

Хомякова О.Р., доцент кафедры русской и зарубежной литературы БГПУ имени М.Танка

***«Взять ли силою али смиренной любовью?»:
конфликт и метод***

В основе движения жизни – борьба. Динамичность или статичность художественного мира определяется ролью и характером конфликта. В классицизме, сентиментализме, романтизме и реализме складывается свое представление о том, борьбой каких сил мир приводится в движение. Каждому методу присущи доминирующие конфликты, а также и своя аксиология конфликта. Так, для метафизического в основе своей классицистского мышления конфликт – всегда отступление от нормы, поскольку конфликтом нарушается стабильность гармонично устроенного мира, не нуждающегося в изменениях.

Естественным классицисты считают неконфликтное состояние мира, в котором царит иерархическая упорядоченность, каждый знает свое место и подчиняется принятым нормам. Возникновение конфликта – это разрушение порядка и гармонии, которые следует восстановить во что бы то ни стало. Разрешением конфликта считается возвращение к исходной упорядоченности жизни. Мир устроен разумно, правильно, поэтому конфликт воспринимается как зло, которое следует искоренить. Источником конфликта являются страсти. Именно губительным воздействием страстей нарушается правильное течение жизни. Понятно, что, считая страсти причиной всех проблем, классицисты конфликт страсти и разума, чувства и долга делают доминирующим. В трагедиях победа разума над страстью достигается ценой гибели героя; в комедиях воздействие страстей видится не столь разрушительным. Но развязка конфликта в любом роде и жанре предполагает конечное торжество разума и долга, какой бы ценой оно ни достиглось.

Конфликт в классицистских произведениях – это прямое столкновение носителей идеала и антиидеала, добра и зла. Правда – на одной стороне, ложь – на другой. В конфликте утверждается несовместимость противоположных начал: или – или. Инициатором конфликта, как правило, выступают чуждые идеалу субъекты, которые свои эгоистические интересы ставят превыше общественной стабильности, сложившегося миропорядка, разумной иерархии установлений и отношений.

В сентиментализме источником несчастий, проблем и конфликтов считается цивилизация, искажающая естественную природу человека. Конфликт цивилизации и природы и является основным в

сентименталистских произведениях. Природный человек, искренне и нерасчетливо отдаваясь своим чувствам, оказывается уязвимым и беззащитным в этом конфликте. Природа гибнет под напором цивилизации – и в общемировом и в межличностном контексте. Цивилизация агрессивно наступает, уничтожая сохранившиеся островки природы, то есть островки добра, естественности, чувствительности. Герой из мира цивилизации подавляет природного человека, подчиняя его себе и ведя к гибели. Так, губительной оказывается самоотверженная любовь Лизы к Эрасту в повести Н.М.Карамзина «Бедная Лиза». Цивилизация развращает чистого и искреннего природного человека, в конечном итоге становясь причиной его гибели. Такова логика разрешения конфликта в сентименталистских произведениях. В сентиментализме в слабой позиции оказывается не зло, а добро, наиболее уязвимое и неприспособленное к жизни именно потому, что приспособление к жизни посредством образования, воспитания, образа жизни обеспечивается цивилизацией, которая вместе с социальными навыками несет пороки и преступления против нравственности. Наивный, искренний, непосредственный природный человек, так или иначе соприкасаясь с миром цивилизации, обречен на страдания и гибель.

Освещение конфликта природного и цивилизованного начала в сентиментализме лишено категоричной односторонности, характерной для классицистов. Симпатии автора-сентименталиста, безусловно, находятся на стороне слабого, беззащитного и в историческом масштабе, очевидно, обреченного на гибель естественного человека. Но сочувствие автора направлено и на носителя цивилизации, обделенного способностью глубокого чувства, жгущего неистинной жизнью, которая подчинена расчету и корысти. «Бедная Лиза» - называется повесть Карамзина, которая могла бы на тех же основаниях быть названной «Бедный Эраст». Не только Лизу, но и Эраста, оставшегося до конца жизни несчастным, жалеет сентиментальный рассказчик. Жалеет за слабость и легкомыслие натуры, в общем-то доброй, но не устоявшей перед соблазном выгодной женитьбы. Человек оказался недостойным чувства, возвышавшего его – искреннего, самоотверженного, беззаветного – такого, каким было оно у Лизы. Бедная Лиза, бедный Эраст, бедные люди - вот та сентименталистская цепочка, которая протягивается от Карамзина к Достоевскому (роман «Бедные люди»). Состраданием сентиментального рассказчика к жертве и губителю объединяются представители методов сентиментализма и тех ответвлений реализма, которые продолжали сентименталистские традиции в иных социально-исторических условиях.

Абсолютного торжества зла сентименталист допустить не может. В самом порочном и развращенном цивилизацией сердце гнездятся ростки добра. В этом истоки надежды сентименталистов на грядущее возрождение человечества. Мир существует, пока изъязвленное пороками сердце все же

не перестает биться, чувствовать, страдать, отзываться на красоту. Надежда на жизнь сердца то затухает, то возгорается, в зависимости от чего находится та или иная тональность, в которой разрешается конфликт в сентиментализме.

Как и классицисты, сентименталисты подозрительно относятся к идее общественного прогресса, полагая ее грозящей не интересам общества и государства, как считали классицисты, но интересам личности, изначально созданной совершенно. Соответственно и конфликт в сентименталистских произведениях порождается теми героями, которые по своему социальному статусу оказываются наиболее отзывчивыми к воздействию цивилизации.

У романтиков способность к конфликтности как неприятию чуждой идеалу действительности становится критерием ценности личности. Если герой классицизма в идеале находится в единстве с миром, находя его разумным и справедливым и подчиняя себя требованиям мира, то обычное состояние романтической личности – состояние конфликтности. Именно способностью пойти на конфликт, противопоставив себя миру, отличается герой романтизма от окружающих, которые приспособляются к социуму. Умение жить в гармонии с обществом, подчиняя себя его законам, – свойство филистеров, обывателей, стремящихся единственно к собственному благополучию. Способность к противостоянию одухотворяет человека. Романтическая личность по уровню своего сознания возвышается над миром, видит его несовершенство и вступает с ним в борьбу, преследуя не собственную выгоду, а идеалы Добра и Справедливости. Силою противостояния изменчивой реальности определяется сила личности, высота ее идеалов. В самостоятельности (используем слово Пушкина), в отграничении от мира корысти и наживы, от косной материи и человеческой мелочности осознает себя личность. Размышления французской исследовательницы Юлии Кристевой об отвратительном и отвращении, интересные и сами по себе, очень точно применимы к психологии романтической личности. С точки зрения Юлии Кристевой, «пределы собственного «я» устанавливаются путем обозначения «запредельной» территории, негативно воспринимаемой и определяемой как «от-вращение». Отвратительное и отвращение – то ограждение, что удерживает меня на краю. Опоры моей культуры» [1, с. 37]. Негатив, от которого отталкиваются, то, что вызывает враждебные чувства, отвращение, – это и есть пределы личностного пространства, то, что от противного определяет романтическую личность. Враждебность, непримиримая борьба, конфликт – устойчивое состояние личности по отношению к романтическому негативу.

Романтического героя невозможно представить в мире с окружающими и с самим собой. И все же конфликт в романтической литературе строится на борьбе не характеров, а идей, концепций жизни. Романтическая личность вступает в конфликт не столько с другой или

другими личностями, но с укладом мира в целом. «С небом гордая вражда», - так определяет позицию своего Демона Лермонтов в одноименной поэме. Романтическая личность осознает себя в пределах противостояния не иной личности, не обстоятельствам жизни, а миру в целом. Равновеликость личности противостоящему ей миру – таков поистине космический масштаб глобального романтического конфликта, перед которым мельчают частные конфликты, также представленные в романтических произведениях, но не имеющие самодовлеющего значения, а усиливающие эффект общего.

По авторитетному мнению Ю.В.Манна [2], в противостоянии миру личность проходит через процессы первичного и вторичного отчуждения. Первичное отчуждение предполагает обрыв связей личности со средой, ее породившей: герой поэмы А.С.Пушкина «Кавказский пленник» бежит из светской среды, не принимая ее норм и идеалов. Вторичное отчуждение обнаруживает, что новая среда оказывается для героя столь же неприемлемой, как и родная. Язык, нравы, нормы, образ жизни черкесов вызывают любопытство Пленника как экзотика, но остаются чуждыми ему. Как следствие, ощущение своей инаковости миру абсолютизируется. Куда бы ни бежал Пленник в надежде избавиться от цепей, он остается «пленником». Идеал свободы, к которому стремится герой, для него недостижим. «И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет», - такой страшный в своей глобальности итог подводит своим романтическим исканиям Пушкин в завершающей цикл южных поэм поэме «Цыганы». Проходя через этапы первичного и вторичного отчуждения, романтический герой в своем космическом противостоянии миру обнаруживает невозможность обретения гармонии: он остается одиноким и непонятым в любой среде.

Романтический идеал в столкновении с пошлой действительностью обнаруживает свою нежизнеспособность. Очередные попытки романтического героя преодолеть разрыв между идеалом и реальностью терпят крах. Но отказ от идеала или попытки примирить его с реальностью для героя романтического произведения равнозначен отказу от самого себя. Романтическое произведение фиксирует ситуацию вечного бескомпромиссного противостояния идеала и жизни. Романтики вынуждены снова и снова констатировать несоотнесенность идеала и реальности. Романтическая личность, оказываясь перед выбором между идеалом и реальностью, неизменно отдает предпочтение идеалу, отчуждаясь от реальности. Конфликт представляется единственно возможным состоянием для подлинной личности, не приемлющей бесчеловечные законы жизни и бескомпромиссно встающей на путь противостояния всему, что унижает человеческую природу и ограничивает свободу человека. Поэтизация конфликтности, которой незаурядная личность отличается от приспособляющихся к миру посредственностей,

предопределяет обособленное существование романтического героя в социуме.

Логику развития реалистической мысли можно представить следующим образом. Извечная неустроенность человеческого бытия, неискоренимость зла, заложенного в фундаменте жизни, в человеческой природе, делают неизбежными конфликты. И, только впадая в нежизненную идеализацию можно представить всеобщее единение и гармонию как типичное состояние мира.

Из универсума конфликт переносится в социум. Тем самым, теряя в глобальности, конфликт обретает социальную и историческую конкретность. Исследуя конфликты, характерные для конкретно-исторической действительности, реалисты подвергают сомнению романтическую концепцию конфликта. Романтики заблуждаются, возводя конфликтное начало в ранг добродетели и наделяя им только исключительных личностей. В этом мире все воюет со всеми, отстаивая свои права и обеспечивая себе место под солнцем.

Если в дореалистических художественных методах конфликт так или иначе связывался с идеалом (идеал утверждается в конфликте, конфликт – средство утверждения идеала), то в реалистических произведениях конфликт возникает как способ решения героями насущных жизненных проблем, но отнюдь не идеала. С развитием реализма конфликт чаще и чаще изображается как следствие нахождения героев вне идеальных норм жизни. Особенно характерно обращение к конфликтам, которые имеют материальную подоплеку, для западноевропейских писателей-реалистов. «Европейский реализм (Диккенс, Стендаль, Бальзак, Флобер) утверждал, что счастье человека в обществе, основанном на власти денег, несбыточно, ибо добиваться его можно только через обогащение, которое для цельной личности или недостижимо, или духовно разрушительно» [3, с.31]. Духовные интенции русской классической литературы настолько сильны, что даже в изображении конфликтов самого прагматичного характера так или иначе просматривается потребность «мысль разрешить» - для общества или человечества в целом.

И в жизни, и в искусстве конфликт – это силовое разрешение проблемы. Русской реалистической литературой особенно остро ставится вопрос о праве на насилие, оправданное благородными побуждениями. Во многом ответы, данные русской классикой, складываются под влиянием гегелевских идей о превосходстве общего над частным. Веками складывается миропорядок – результат усилий всего человечества. Прарота человека, пытающегося изменить мир, сомнительна хотя бы потому, что этими попытками личность противопоставляет себя многим поколениям, усилиями которых создавался строй жизни. Гегель пишет о «трагической вине» героя, посягнувшего на сложившиеся устои. Мир поглощает героя,

поскольку идеальные устремления одного не могут быть правомернее реальных оснований жизни многих. Все разумное действительно, все действительно разумно. Герои русской реалистической литературы, начиная от Пушкина, утверждавшего необходимость гармонии интересов государства и личности (поэма «Медный всадник»), учатся приятию жизни. Л.Толстой, беспощадно критиковавший ложные устои мира, тем не менее видел задачу искусства в том, чтобы учить «полюблять» жизнь. Ф.Достоевский показывал разрушительные последствия террора и нигилизма (роман «Бесы»). «Разрабатывая художественную концепцию мира и личности, русский реализм утверждал: мир неблагополучен, но насилием его не исправишь. Нельзя купить счастье целого мира ценой слезинки ребенка. Убив старуху процентщицу, убьешь и ни в чем не повинную Лизавету (...) Выход: непротивление злу насилием и самосовершенствование...» [3, с.31]. В реалистической литературе все большую роль начинает играть внутренний конфликт, что способствует развитию психологизма. Реалисты приходят к идее, в основе своей религиозной, не только о неизбежности, но и о необходимости внутреннего конфликта для сохранения в человеке его высшего духовного начала: «Жизнь без внутренней борьбы с собой то есть жизнь духовно пассивная (Мф.7,21) или текущая по наклонному руслу удовлетворения страстей плоти и духа, приводит человека к окончательному рабству греху...» [4, с. 99]. Активность духовных исканий героев Л.Толстого и Ф.М.Достоевского приводит их к религии (Раскольников, Нехлюдов). Вопрос, поставленный героем Ф.М.Достоевского (Зосима в романе «Братья Карамазовы») и вынесенный в заглавие статьи, - «Взять ли силою или смиренной любовью?» - решается классиками русской литературы (Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, И.А.Гончаров) в пользу любви и вопреки установкам на силу, революцию, конфликт.

С другой стороны, в русской литературе получают развитие и искания способов устройства рая на земле, связанные с идеей избавления от зла революционным насилием. «Весь мир насилья мы разрушим...» - провозглашают революционеры свою ненависть к насилию и демонстрируют готовность бороться с насилием посредством насилия же. Утверждение правомерности революционного насилия лежит в основе формирующейся литературы социалистического реализма. Фактически ориентацией писателя на религиозную или революционную идею определяется характер и содержание изображаемых конфликтов. В первом случае развитие получает внутренний, психологический конфликт (борьба человека с собственной греховностью, путь самосовершенствования), во втором – внешний, социальный (борьба со злом социального устройства, которая должна обеспечить торжество справедливости и счастливое будущее человечества).

Литература

1. Кристева, Юлия. Силы ужаса: Эссе об отвращении / Юлия Кристева. - Харьков: СПб., 2003.
2. Манн, Ю.В. Динамика русского романтизма / Ю.В.Манн. - М., 1995
3. Боров, Ю.Б. Литература и литературная теория XX в. Перспективы нового столетия / Ю.Б. Боров // Теоретико-литературные итоги XX века. - М.: Наука, 2003.
4. Осипов, А.И. Основное богословие / А.И.Осипов. - М., 1994.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ